

[illegible]

Микаэль Дессе

ВЧЕРА
СНОСИЛИ
МИРОЗДАНИЕ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д37

Ответственный редактор *Алиса Цыганкова*

Художественное оформление *Екатерины Петровой*

Дессе, Микаэль.

Д37 Вчера сносили мироздание / Микаэль Дессе. —
Москва : Эксмо, 2026. — 256 с.

ISBN 978-5-04-235029-0

Что, если отговаривать самоубийцу возьмется убежденная
пессимистка

Нина преподает историю философии в провинциальном
вузе, живет на чердаке и ни во что не верит. Однажды она
приходит в себя в баре, посетительница которого порывается
свести счеты с жизнью. Бармен и управляющая, кажется,
не в себе, и миссия по спасению женщины ложится на плечи
Нины. Но что это за место? И как ее сюда занесло?

«Вчера сносили мироздание» — роман-головоломка о том,
как жить, когда жить не хочется. В истории одного злополуч-
ного дня Микаэль Дессе смешивает философское мокьюмен-
тари с мистическим триллером и выводит в свет героя нового
времени — всюду лишнего, циничного, избегающего людей,
но втайне ищущего их любви и одобрения.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235029-0

© Дессе М., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Отцы

Возможно, кому-нибудь покажется странным, что я могу столь точно угадать мысли хозяина. Дело в том, что для кота это не составляет никакой трудности. Я умею читать мысли. Когда научился? Не задавайте глупых вопросов. Умею, и все. Вот я лежу, свернувшись в клубочек, на коленях у человека и потихоньку прижимаюсь своей мягкой меховой шубкой к его животу. Возникает поток электричества, и внутренний мир человека во всех подробностях встает перед моим мысленным взором. Был даже случай, когда я содрогнулся, узнав мысли хозяина. Он гладил меня по голове и вдруг подумал: «Какая теплая жилетка вышла бы, если бы содрать с этого кота шкуру!»

*Нацумэ Сосэки,
«Ваш покорный слуга кот»*

Что же рая калитка всегда заперта?
Ходят слухи, за нею вообще пустота.

Ангел

ГЛАВА 7 *

** в которой доцентка возвращается домой,
но попадает в бар с эксцентричным персоналом*

Зато цистита как не бывало.

Теперь единственный предмет моих мыслей — та надпись на балке под потолком.

Там вот что, до буквы: «Ты корабль, а море под тобою — это зло разлито. Но воды не тянут судна ко дну...» — и дальше не помню и, пока вспоминаю, оступаю и остаток лестницы проезжаю на ребрах.

Вдыхаю и не выдыхаю.

А был он вообще, цистит, или не было его — уже не важно.

Здесь темно, внизу. Пахнет химически достигнутой свежестью. Не сильно, но есть — от пола, к которому я порами присосалась, на котором лежу и размышляю, почему говорят «живая хлорка». Хлорка ведь с жизнью не то чтобы совместима. В бассейне она, по идее, все, что меньше пловца, убивает. Значит, хлорка, можно сказать, слабосмертная, но «живая»...

А воды, написано, не тянут судна ко дну.

Я делаю над собой усилие, переворачиваюсь на живот и привстаю. Сама в арке света из лестничного проема, и ничего не видно и не слышно, а потом кто-то утверждает топотом, кашлем. Говорит:

— Здрасьте, приехали. — И в сторону: — Ну что — она, не она?

Кто — не разглядеть, но говорит откуда-то отсюда. Мурчащий такой бас, не узнаю.

Собираюсь с силами и встаю на ноги. Тут как на улице: пар на выдохе.

Вспомнила, куда шла.

— Это Молчанова, девять? — спрашиваю.

— Все правильно, дальше. — Тот же голос. Этот кто-то посмеивается. Или кашляет. Я отступаю к лестнице, и он: — Не падаем.

Сажусь на пред(пред?)последнюю ступеньку. Говорю, что не пила, хотя меня никто не спрашивал. Язык еще так заплетается — можно подумать, вру. Потом сверху и отовсюду стрекочет электричество, еще один голос: «Наконец-то» — и включается освещение.

Точно, бар.

Я в этом баре.

Света все равно мало.

Слева стойка, в конце нее заваленный одеждой стул. Стеллажи прямо в стене, выше доска, и на ней

от руки меню. Справа — кабинки, диванчики, столики. И три человека. Нет, два человека и манекен. Мужчина за стойкой и еще один в глубине, парень. Оперся о щетку, стоит интересный. На нем комбинезон с принтом, как бы скелет: таз, ребра, двуставные конечности. Того, что за стойкой, с порога не рассмотрю, одна голова. Волосатый, похож на индейца с кинескопной тест-таблицы.

Манекен усажен за столик, на груди трафаретом: «Бронь». Еще одного, стоячего, замечаю в углу слева. Там же из стены торчат пластмассовые руки, кисти рук — вешалки. В центре зала с потолка свисает разбитый диско-шар. Под ним гора мишуры и конфетти. Они везде, если присмотреться, эти конфетти.

— И где тебя так?

Индеец. Шуруется на меня. Зоркий Глаз Седое Перо.

— У тебя кровь, — говорит парень и обводит лицо. Или не парень. Голос высокий. Все-таки девушка.

Я провожу рукой от скулы к уху, и на ладони она, темная, липкая. Боли как таковой нет, только мутит. Не помню, откуда пришла. И зачем. Я вообще ничего не помню, кроме *вод*, что *не тянут судна ко дну*.

Это наш полуподвал, я узнаю, хотя стены снесли, все черное: облицовка, манекены. Сколько их

тут? Раз, два и вон третий, на стуле за стойкой, под одеждой. Больше не вижу. Лампы, эти трубки, еле светят, и да, мутит — просто абзац.

— Так, мож, она потому и *того*?

— Не потому. Не знаю.

— Из-за башки, не?

— Ты *меня* спрашиваешь?

— А кого мне спрашивать? Ты спереди, я сзади. Тебя не было — нормально ехали, а как пришла... — Мужчина вроде хочет зайтись в кашле, держится. Странное тоже выражение «зайтись в кашле», но ладно. За стойкой недолго шумит вода, и он подносит к носу влажный стакан. Вообще, *спереди* Седое Перо, он ближе. — Я почему спросил... — Кивает на меня. — Как контуженная.

— Она всегда такая. Мотается тут в центре.

Ого, вау. Как неожиданно и обидно. Вообще-то это мои *созерцательные* практики плюс семь тысяч шагов, чтобы ягодицы не увяли от *читательских* и *писательских*, и это я еще стараюсь не отсвечивать.

Тенькает стекло. Седое Перо все пялится.

— Мож, сотрясение?

— Пал Саныч...

Павел?

— А *мотается*, говоришь, — бомжует, что ль? — Я... просто *вау*. — Так-то нарядная, в пальто.

Девушка ему не отвечает. За ней синим неоном горит слово «нулина». Со строчной, латинским начертанием: эн, ю, зачем-то апостроф и дальше понятно. Логотип. Такой же был на вывеске снаружи.

— Я преподаю, — говорю.

Мужчина:

— Еще раз?

— Преподаю у нас философию, в Утесинском.

— О-о, профессура!

Он таки закашливается — и кашляет страшно, как раковый. Или туберкулезник. Не дышу. Мало ли.

— Я, — говорю, — доцент. — Получается в нос, «дасент», и я сдаюсь, вдыхаю и повторяю громче: — Доцент.

— А это к состоянию бомжа, считай, впри-
тык. — Утирает рот салфеткой. — Откуда ты хоть
такая, профессура?

— В смысле...

— В смысле — к нам откуда?

Откуда я?

— Я... — Как сложно, господи. — Собаку
шла вернуть на вокзал одной там... студентке.

Он приглаживает волосы, подходит ближе, из-
за стойки не выходит — что-то там подельвает, —
и я вижу, что он без фартука, в расстегнутой ду-
бленке и под ней рубашка наподобие гавайской.

Понял, куда я смотрю, губами мне что-то вышелевливает, «дубак» или вроде того, и просит девушку проверить котел. Она ставит щетку к стене и ныряет в проход слева от логотипа. Самое главное — я упала, у меня кровь. Никто не спрашивает, как я себя чувствую. Им вообще как будто нет дела.

— Ну, собаку. Дальше.

— Дальше... не помню.

Правда не помню. Я проснулась в бывшем колледже искусств, Торпеда была со мной. Мы вышли — и все. Мешанина лиц, улиц. Проверяю карманы. Ахрипп и ретрактор с пропуском на месте, но где телефон? Где зонт, очки? Самое главное: где собака?

— Замут, короче... — Опять кашляет, а откашлявшись, заправляет ноздри, шумно вдыхает и, перехватив мой взгляд, вносит ясность: — Понюшка. Табак.

Кивает, мол: «Будешь?»

— Не надо, спасибо.

— Ну, наше дело предложить. Сядь на диван. — Опять приглаживает волосы и возвращается к барной мойке. — Слышишь? Встать можешь? Вставай давай, если можешь.

Поднимаюсь, иду вглубь зала. Этот бормочет: «Давай-давай, приходиствуй». Возвращается девушка:

— Не загорается. — Подбирает разноцветный серпантин и бросает его в общую кучу. — Мерзнем дальше.

Кости на ее комбинезоне напечатаны чем-то светоотражающим, голова обрита, и брови не то обесцвечены, не то выкрашены в розовый. Свет такой, что не разобрать. Еще наушник у нее белый, что ли.

Мужчина обводит рукой грудую одежды в конце стойки.

— Ты, кстати говоря, гостье-то нашей поправь... — прищелкивает пальцами, — это самое...

Сперва думаю на себя, а потом понимаю, что нас в баре четверо. Это был не манекен. Там кто-то есть, под плащом за стойкой. Из воротника выпала прядь, *де-юре* рыжая, *де-факто* красная, и я ее видела и приняла за дождик этот пленочный. Плащ просто накинут сверху.

— Внимание на меня, — говорит Павел, обращаясь ко мне, и девушка, эта панкушка, разворачивается и бьет ногой гору праздничного мусора, он разлетается по залу, и на секунду между мной и Павлом встает стена из разноцветной фольги, мишуры и блесков, и он говорит: — Бояться, если что, нечего. — А девушка петляет к груде тряпья, под которой, оказывается, кто-то четвертый, и бояться мне действительно нечего, я и не боюсь, но